

19 мая – одна печальных дат в истории Саратовской области. В этот день в 1942 году был издан Указ о ликвидации немецкой топонимики в Поволжье. Немецкие названия десятков населенных пунктов были поставлены вне закона, и огромный пласт истории нашей страны перестал существовать для следующих поколений. В этом году исполняется 245 лет (без малого четверть тысячелетия!), как иностранные переселенцы по зову Екатерины Великой начали осваивать земли Российской империи. Эта история столь обширна, что значимые даты можно отмечать хоть каждый месяц – повод найдется. Но кто их помнит, кроме самих немцев? Между тем без немецкого влияния нельзя представить не только прошлое региона – оно оказывает прямое воздействие и на наше настоящее, и на наше будущее.

История России в ее советском варианте была своеобразным, мягко говоря, продуктом идеологии. В последние же годы на эту сомнительную «базу» легло столько искаженных фактов, вымыслов, псевдоисторической публицистики и откровенного хлама, которое владывает от себя телевидение, что в умах наших соотечественников создается жуткая каша.

Проше говоря, историю своей страны, включая «малые Родины», россияне знают либо плохо, либо не знают вообще. Конечно, без цифр социологов на руках утверждать что-либо не совсем корректно. Но есть упорное ощущение, что такой важный аспект истории Саратовской области, как проживание на ее территории переселенцев из Европы на протяжении нескольких столетий, – это сегодня «terra incognita» для большинства населения региона. Кто-то что-то где-то когда-то слышал, вроде как даже читал, но даже наиболее важные вехи знают немногие. Откуда взялись эти немцы? Где они жили? Куда потом пропали?

Почти 250 лет – срок, который, конечно, невозможно вписать в рамки одной газетной статьи. Эта публикация – очередная попытка «Взгляда» помочь региону разобраться в собственной идентичности. Что нам, Саратовской области, дает это совместное прошлое? Как нам со всем этим жить дальше?

АТЛАНТИДА НА ВОЛГЕ

4 декабря 1762 и 22 июля 1763 годов были обнародованы на пяти языках две редакции – «общая» и «подробная» – манифеста Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселиться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Каждой семье переселенцев был обещан щедрый земельный надел, бесплатный проезд, освобождение от налогов на течение 30 лет, свобода от воинской повинности, свобода вероисповедания, право на беспроцентную торговлю и прочие блага.

К этому времени идея привлечения иностранцев в страну была уже далеко не нова. Позади были грандиозные реформы Петра Первого, в столицах строили итальянские здания, а иностранные специалисты служили в русской армии и на флоте и прославились во многих видах «народного хозяйства» Российской империи.

Массовый призыв «хороших земледельцев, садоводов, скотоводов, а равно мастеровых» возник, когда появилась необходимость освоения «наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезных мест, до сего времени еще праздно остающихся, не малое число из которых многия в недрах своих скрывают неисчерпаемое богатство разных металлов».

Тем из нас, кто в последние десятилетия привык находить все самое прогрессивное за пределами России, особенно в США, будет, наверное, небезынтересно узнать, что «призыв колонистов» российский власти осуществили на несколько десятилетий (!) раньше, чем до этого додумались в Америке и Австралии.

Рассмотрев разные варианты, организаторы «великого переселения народов» установили свой выбор на Саратове – «знаемом городе Астраханской губернии», известном центре соляного и рыбного промыслов и волжской торговли.

К концу 60-х годов XVIII столетия стараниями Канцелярии опекунов иностранных колонистов и ее президента, легендарного графа Григория Орлова, в саратовскую округу были переселены и размещены в 104 колониях около 26 тысяч человек. Для сравнения: население Саратова тогда составляло примерно 6 тысяч человек. Эхали, кстати,

не только немцы, но и голландцы, французы, швейцарцы и даже чехи.

Дальше были полтора столетия успешного, в основном, развития, история которого и содержательна, и увлекательна.

С самого основания колонии строились «кварталами» по регулярному геометрическому плану. Историки и архитекторы называют их своеобразным градостроительным полигоном. Одни поселения по плану имели сходство с шахматной доской, другие напоминали римский военный лагерь. Отли-

ва, к моменту реконструкции музыкального училища под здание консерватории на улице Немецкой уже много лет стоял величественный католический костел, а рядом, на Никольской, лютеранская кирха. Выбор в пользу неоготического стиля для архитектора Семена Калистратова был очевиден.

Зданий, выстроенных или принадлежавших когда-то немцам, сохранилось немало, и они до сих пор входят в число самых красивых и значительных сооружений в Саратове.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ТРАГЕДИИ

Фото Юрия МБАЕЦОВА

чительной чертой всех их было обилие зелени.

Такие колонии, как Норка, Гримм и Бальцер (сегодня это соответственно село Некрасово, станция Карамыши и город Красноармейск) превосходили размерами, населением и застройкой некоторые уездные города (!). В Норке, к примеру, было 10,5 тысячи жителей (сейчас – около 1,5 тысячи).

Динамику развития колоний истории называют стремительной, а хозяйственные успехи беспорядными. На рубеже XX века колоний было уже 190, а жили в них более 400 тысяч человек. «Эти наиболее свободно развившиеся колонии показывают нам, какие отношения могли бы и должны бы были развиваться и в остальной России, если бы многочисленные остатки дореформенного быта не сдерживали капитализма», – писал «сам» В. И. Ленин в 1899 году.

К началу XX века под контролем выходцев из немецких колоний находились целые отрасли экономики и бизнеса Саратовской губернии. А постройки поволжских немцев и их потомков, по мнению специалистов, образуют самую интересную «национальную» ветвь заповедия региона. Саратов иллюстрирует этот тезис в полной мере. Показательный пример – консерватория. Это сейчас она может вызвать недоумение, откуда в старинном русском купеческом городе неоготический дворец? А в начале XX

со всем советским народом в полной мере. Сначала в Саратове и колониях прошла национализация. Затем начались продразверстки, приведшие к полному изъятию продовольствия из немецких сел и ужасному голоду, унесшему десятки тысяч человеческих жизней.

13 декабря 1923 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) Область немцев Поволжья преобразована в Автономную Советскую Социалистическую республику немцев Поволжья. Затем – сплошная коллективи-

В 18 веке Россия объявила «великое переселение народов» на свою территорию, опередив Америку. Чем обернулось это для Саратовской области?

зация и массовая кампания по раскулачиванию крестьян в немецких селах.

Голод прежних лет власть ничему не научил, и в 1932 операцию по изъятию продовольствия повторили. Результатом стал новый страшный голод, унесший жизни 50 тысяч (!) человек. Хронику того времени невозможно читать без содрогания.

1936-1938 – «большой террор» в республике, десятки тысяч человек репрессированы, арестованы и расстреляны несколько составов высшего руководства республики.

А потом началась Вторая мировая война.

Стали бы вы, уважаемый читатель, опасаться нескольких сотен тысяч человек, которые благодаря вашему бездарному, а точнее, бесчеловечному менеджменту не только растеряли свое благосостояние, но и неоднократно пережили страшный голод, репрессии и гибель родственников? То-то и оно.

Решение об удалении источника опасности было неизбежным. И 28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», официально обвинивший поволжских немцев в пособничестве агрессору. Через несколько дней целый народ был без церемоний переселен на каторгу.

По данным одного из самых авторитетных исследователей истории советских немцев, саратовского ученого Аркадия Германа, всего из Поволжья в Сибирь и в Казахстан были депортированы за 2,5 недели как минимум 446 тысяч человек (!). Вдумайтесь в эту цифру. Особенно те, кто в телеспектре «Имя России» проголосовал за Сталина.

Кстати, несмотря на все обвинения, выдвинутые против немцев, большинство жителей Поволжья сохраняли к своим согражданам теплые чувства.

В 1990 году на студии «Саратов-фильм» был снят фильм «Ruslanddeutsche. Русские немцы». Это было время, когда в Поволжье разворачивалось движение немцев за восстановление республики. Даже сейчас, спустя почти 20 лет после того как на телеэкране вышел многочисленные исследования нарушителей прав человека в СССР, смотреть этот фильм непросто,

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОДИНАЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

ОГЛАВЛЕНИЕ: ПИТЕР, ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР, НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ, ИТЭЛЕСКОГО ГОРОДА ВООРУЖАЮЩИХ ГОМОСЛАВОВ СОВЕТА ДИКТАТОРА ПРАВЛЕНИЯ.

№ 308 (4713) Суббота, 30 августа 1941 г. Цена 15 коп.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПЕРЕСЕЛЕНИИ НЕМЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РАЙОНАХ ПОВОЛЖЬЯ

По доставкем немцев, проживающих в районах Поволжья, не только ввиду их пособничества агрессору, но и ввиду их принадлежности к расе, признанной в СССР враждебной, необходимо их переселить в районы Сибири и Казахстана. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

В связи с этим необходимо издать следующие указы:

1. Немцы, проживающие в районах Поволжья, подлежат переселению в районы Сибири и Казахстана.

2. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

3. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

4. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

5. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

6. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

7. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

8. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

9. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

10. Переселение немцев в районы Поволжья, ввиду их пособничества агрессору, является преступлением и подлежит наказанию.

Президиум Верховного Совета СССР
Н. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Головин

Москва, Кремль
30 августа 1941 г.

АПОКАЛИПСИС

Затем наступил XX век. Собственно, с его началом благополучная страница в истории немецкого Поволжья закончилась. Потому что все прошлое столетие для русских немцев – это время горя, страданий, гонений и унижений.

Первая серьезная угроза нависла с началом Первой мировой войны, где Россия и Германия, к несчастью, оказались противниками. В конце 1915 года, когда русская армия потерпела ряд тяжелых поражений, царское правительство подготовило указ, согласно которому все немецкое население Поволжья подлежало выселению в Сибирь.

Его планировали начать с весны 1917-го, но помешала «Великая», как ее было принято называть в советское время, Октябрьская революция. Ее «плоды» немцы разделили

Женщины вспоминают, как на себя и детей надели всю одежду, которая была, потому что с собой разрешили брать только 16 килограммов вещей, включая еду. Как затем в трудовой армии и спецпоселениях работали на лесоповале, носили на спинах бревна, толкали в загонах вагоны...

«В 42-м году переправили нас в Томскую область. Наши немцы умирали как мухи. Потому что были раздетые, голодные, — вспоминает в фильме советская немка Шарлотта Беккер. — У нас не было даже лопатки, поэтому мертвых зарывали в снег. А весной Обь разливалась, снежные могилы таяли, и наши покойники утлавали кто куда. Вот так утлали куда-то и моя мама».

В Зингельсе, бывшем центре Немецкой республики (!) со свойственным Советскому Союзу изощренным садизмом по отношению к собственным гражданам спустя годы установили памятник Михаилу Калинин, подписавшему тот самый приказ о переселении. Очевидно, чтобы граждане не расслаблялись. Стоит ли после этого удивляться тому, что в фильме пожилой советский мужчина уже в Германии признается на камеру в том, что с самого детства, сколько себя помнит, жил в постоянном ужасе, «пока не приехал сюда». «Хочу теперь пожить, как человек...», — говорит он.

ЛИШНИЕ ХОЗЯЕВА

Лишь в ноябре 1972 года немцы получили юридическое право вернуться в Поволжье.

Впрочем, право правом, а на малой Родине их ждала другая беда. Люди, которые заняли их города, села и дома, начали демонстрировать в отношении немцев любимый «совком» идиотский принцип «вас здесь не стояло».

«Когда я вышел на пенсию, каждый год приезжал и ходил по местам, где я жил, бегал в детстве, — рассказывает в фильме советский немец Роберт Гофман. — Я помню, когда я первый раз подошел к своему дому, вы знаете, у меня ничего не было на душе такого... (плачет). Я положил руку на стену и заплакал. Сейчас я прохожу уже спокойно мимо него. Но в доме ни разу не был — туда меня не пускают... (плачет)».

«Когда вопрос шел о том, что будет республика, мы хотели туда, — говорит на камеру одна из героинь. — Прехали, лобывали в родительском доме — он целый стоит... (плачет). Но когда шли и искали его, люди, которые встречались, относились к нам враждебно. Говорили: «Что вы тут потеряли? Зачем сюда приехали?»».

Можно ли удивляться такой реакции советских людей, которые к этому времени окончательно привыкли, что любые перемены могут только негативными? Особенно людей в сельской местности, которую власти СССР к тому времени превратили в нечто совершенно депрессивное? Да и разницу между «немецками» и «фашистами» никто тогда особенно не позиционировал, говоря сегодняшним языком.

Это и было подлинной трагедией: все они были по-своему правы, эти несчастные советские люди.

В августе 1992-го, по результатам опроса, большинство населения Саратовской области высказалось против создания немецкой автономии. Причем в некоторых сельских районах число противников составляло до 80% проголосовавших.

Германия оказалась перед угрозой «нашествия» советских немцев. И 15 лет назад (еще один юбилей!), 1 декабря 1994 года, спустя 80 лет после своего первого закрытия, в Саратове было воссоздано Генеральное консульство Германии. Как говорят эксперты «Взгляда», у этого шага было несколько целей. Кроме оставшихся (возможно) надежд на восстановление автономии перед властями обеих стран стояла задача сдержать поток желающих перебраться в Германию. На деньги немецкого правительства в районах области были построены дома и другая инфраструктура, чтобы мотивировать людей остаться. Но они продолжали уезжать. Продолжали, понимая, что «там» — другой мир,

язык и нравы. Сейчас, спустя годы, очевидно, что удачных карьер и историй там случилось меньше, чем неудачных. Но где было взять силы, чтобы прислушаться к голосу разума после стольких лет страданий и горя?!

5 лет назад, в начале лета 2004-го, Генконсульство Германии в Саратове опять закрылось. По-видимому, навсегда.

НЕСЛУЧАЙНАЯ ДРУЖБА

Удивительно, но даже трагические страницы истории немецкого народа не повлияли на желание инвесторов из Германии не только сотрудничать с Саратовской областью по внешнеэкономическим проектам, но и вкладывать деньги на ее территории. Еще точнее будет сказать так: именно то, что на саратовской земле жили целые поколения немцев, позволило области занять действующие немногочисленные предприятия с иностранным капиталом. Потому что львиная доля этих компа-

Другое дело, что с годами для власти становится все сложнее «пирить» регион для немецких партнеров «на общих основаниях». Административными барьерами и действиями чиновников можно израсходовать любую, самый щедрый кредит доверия. Одно дело обещать золотые горы. Другое — реальный опит немецких компаний, причем таких гигантов международного бизнеса, как «Роберт Бош» и «Хенкель», которые уже работают на этой территории долгие годы и сами могут рассказать, как и почему вести бизнес в одном из самых коррупционных регионов Российской Федерации. «Вешать лапшу» потенциальным инвесторам в этой ситуации куда сложнее.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Не возникает ли при обращении к истории желания идеализации немецкого Поволжья, особенно времен расцвета? На взгляд автора, это совершенно неизбежно. Ведь перед началом всех катаклизмов,

ПОМНИТЬ ВСЕ

его словосочетание в графе «современное название», которое встречается напротив иностранных слов пугающе часто: «не существует».

У привычной малой Родины, простой и знакомой как валенок, вдруг оказывается второе дно, да с такими глубинами, что приходится только удивляться, почему ты не видел этого раньше?

Появляется азарт первооткрывателя: «А вдруг она до сих пор сохранилась, эта огромная немецкая церковь в колонии Herzog с готической «розой» над входом и высокой башней с фотографии 1910 года? Как называется теперь это село? А вдруг... А если...». Кажется, стоит выехать за пределы Саратова, копнуть поглубже — и она откроется, эта благополучная губерния с аккуратными зелеными городами, расчерченными по линейке, тучными стадами, удивительной архитектуры храмами, аккуратностью и порядком, ставшими нарицательными...

Увы, от прежней немецкой цивилизации остались лишь осколки. «Взгляд» неоднократно обращался к теме немецкого наследия на территории области и того ужасающего состояния, в котором оно пребывает (см. публикации «Вернуть нельзя списать», № 20, 2006; «Призраки утраченной цивилизации», № 24, 2006). Более того, наследие уходит с высокой скоростью в небытие, и этого не отражают даже относительно новые реестры памятников истории и культуры. К примеру, в одном из них фигурирует «Церковь лютеранская филиальная, XX век» в селе Сосновка Красноармейского района. Два года назад автору этих строк, случайно оказавшемуся в Сосновке, бывшей колонии Шиллинг, обнаружить церковь уже не удалось. Местные жители показали лишь пустырь, на месте которого якобы еще недавно было здание. И пояснили, что церковь очень сильно пострадала от урагана. Ну а сами жители живенко завершили дело, начатое стихией.

ОТКРЫТИЕ РОССИИ

«В бытовом и культурном отношении немецкое население Поволжских колоний представляет как бы государство в государстве — совершенно особый и самодовлеющий мир», — писали историки в начале XX века. Хуже всего, если и теперь немцам прошлым будут интересоваться только краеведы, а немецкое настоящее превратится в такой же закрытый мир, как это было в прошлые столетия.

Много лет назад в той же Сосновке автору довелось оказаться в доме пожилой немки, которую все в округе называли просто баба Лиза. В большой комнате чистого, но вполне обывочного деревенского дома обнаружился... зимний сад: множество больших пальм и фикусов. В этих местах на фоне коровника и прочих деталей деревенского пейзажа уж его-то никак не мыслилось встретить. Хорошо помню впечатление от этого дома той холодной (почему-то) летней ночью: серая неприветливая Волга, ветер, темнота и на холме, в отдалении от села, небольшой отдельный мир, замкнутый внутри двора, обнесенного забором на манер крепости в миниатюре...

Немецкая культура и история могут открыться любому, как тот странный зимний сад на неприветливом берегу Волги. Нужно только захотеть.

Судьба сыграла с Саратовской губернией злую и жестокую шутку, превратив ее в регион, действительность которого во многих случаях являет собой противоположность времен революционного процветания. У Саратовской области было много предпосылок для того чтобы построить подобие европейской цивилизации на берегах великой русской реки. Глядя на улицы Саратова сейчас, приходишь к выводу, что теперь все больше «назвать мы с раскосыми и жадными очами», как писал Александр Блок. В XX веке свой шанс обустроить «Европу на Волге» мы потеряли. Неужели навсегда?

ДМИТРИЙ ВОРОНКОВ

Редакция выражает признательность президенту ТПП Максиму Фатееву и пресс-секретарю Татьяне Шварц за содействие при подготовке публикации

«...Немецкие колонии принадлежат к наиболее богатым и наилучше организованным поселениям в России, да не в одной только России, но и в целом мире» [Ф. Маттей, 1866 год].

Иногда авторы новых названий бывали весьма «изобретательны» (Привальная - Привольное); часто — трафаретны (Бальцер — Красноармейск, Гнаденфлюр — Первомайское, Эггейм — Комсомольское); в других случаях они, похоже, вовсе не утруждали себя думой (Лизандергейский кантон — Безымянский район). [Сергей Терехин, «Дважды переселенные»]

ний — немецкие. Иных зарубежных инвесторов, кроме Германии, у Саратовской области, по большому счету, так и не появилось. Неуклюжие попытки чиновников в последние годы заткнуть сюда хоть производство чипсов, хоть собачьи кормов, хоть сладкой газировки — лишь бы иностранцы! — успехами не увенчались, о чем «Взгляд» писал неоднократно. Есть, конечно, замечательная во всех отношениях табачная фабрика, принадлежащая «Бри-тиш-Американ Табакко». Но ирония судьбы заключается в том, что и ее основал в 1828 году немец Кондратий Штаф.

Внешнеторговый оборот области с Германией за последние 10 лет вырос в 5 раз. По итогам прошлого года он достиг максимума (205 млн долл. США). А по объему импорта Германия среди всех внешнеторговых партнеров Саратовской области занимает первое место. Все это не случайно.

Как не случайно и то, что именно Германия была и остается единственной европейской страной, куда пусть и с сезонными ограничениями, но все-таки летают с регулярными рейсами самолеты «Саравиа».

Помимо бизнес-проектов немецкими организациями сделано много всего другого на территории области. К примеру, в августе 2005 года состоялось торжественное открытие нового 3-этажного здания архива, построенного за счет средств Германии в рамках совместного проекта. До этого, с 1930 года, редчайшие документы по истории и культуре поволжских немцев со времен Екатерины Великой хранились в здании хлебного амбара, сооруженного в начале XX века. С начала 90-х в Зингельсе действует Центр немецкой культуры, есть на территории региона и другие «тематические» организации.

Одним словом, потенциал для плодотворных взаимоотношений между Саратовской областью и Германией продолжает оставаться очень высоким. Причем на фоне добрососедских отношений, которые выстраивает с Германией большой поклонник этой страны российский премьер Владимир Путин.

превративших Российскую империю в Советскую, Саратовская губерния была несомненным лидером Поволжья. И вклад немецкого населения в это преуспеяние и бесспорен, и очевиден.

Но складывается ощущение, что замки советской идеологии не проржавели до сих пор. И сама история немцев — если не в Поволжье, то уж в Саратовской области — превратилась в некую параллельную вселенную. Как и полагается в таких случаях (в фантастических фильмах или книгах, например), она имеет свои «порталы», выходы в нашей реальности. Только представляется она собой не светящиеся сферы или наивные магические врата с тонкой, переливающейся разными цветами границей. Немецкое прошлое прорывается деталями, доступными лишь внимательному наблюдателю. И с каждым годом их все меньше. Во дворах старых домов в центре Саратова вдруг замечешь заостренные окна подкрышей. В селе неподалеку от Саратова посреди деревянной постройки возникает почти разрушенная мельница, похожая на средневековый замок в миниатюре...

А уж остатки немецких храмов на наших равнинах производят полное впечатление миражей. Один из них, полуразрушенная церковь, является внимательным пассажирам поездов, следующим из Саратова в направлении Волгограда. Среди частных домиков она возникает, как пришелец из другой цивилизации.

Но тому, кто увидел однажды такой мираж и приложил небольшие усилия, чтобы заглянуть в тот прежний мир, открывается целая вселенная. Оказывается, вдруг, что безыскусные, на первый взгляд, и совершенно русские населенные пункты, такие как Подстепное, Усть-Караман, Луговское в Энгельском районе или Березовка, Калининское, Степное в Марксовском, — это бывшие Розенгейм, Эндерс, Шульц, Беккердорф, Миллерсфельд, Киппель соответственно. Их десятки, нет — сотни, совершенно иностранных слов, замененных на всякие «чужихи» и немудреные «новопервомай!» Впрочем, еще страшнее дру-